

Ночью Баки не мог заснуть. Лежал, глядя вверх, всем своим тревожащим, зудящим, покалеченным телом чувствуя, как велик мир — и как мал он сам. Круг неяркого света от прогорающего костра обступала непроглядная темнота. Ели тянулись ввысь, в тёмно-синее небо, бесконечными острыми пиками. Мир, в котором был король Эргус, большое войско пиктов, завоевание Дал-Риады и его родные земли где-то словно на другом краю земли, сузился теперь до чёрного колодца, на дне которого тлел углями догорающий костёр, а сверху — искрилось чистое звёздное небо. Оно было слишком далеко, безучастное и манящее, но от долгого глядения и выпадания в дремоту Баки казалось порой, что его затягивает туда речным водоворотом. Голова немного кружилась от благовонной травы, что кинул в костёр друид перед тем, как лечь. Возможно, именно запах отпугивал лесное зверьё, а не какие-то чары.

Воздух холодел с каждым вдохом, а с выдохом из носа начали вырываться облачки пара. Ночи стали зябкими и сырыми, осень дышала им в спину, и Баки понемногу сдвигался с лапника ближе к костру до тех пор, пока жар не опалил волоски сбоку на голени. И отпрянул от огня не столько из-за жара, а потому что побоялся окончательно утратить свои корни — подпалить килт. Кроме этого куска грубой ткани и его воинского пояса у него больше ничего не осталось. Ни меча, ни левой руки с вязью родовых рисунков на ней, и никого, кто бы знал о том, что он чудом выжил. Он даже не знал, где именно находился сейчас, и даже если предположить, что он сможет выйти обратно к побоищу по своим же следам — что дальше? Если возьмут ирландцы или гэлы — считай, что мёртв. Ни коня, ни монет, ничего. Он помнил, как долго шли они до развалин крепости. И сколько ехали после. Дорога была нудной, впереди малого войска ехал проводник, и Баки, уверенный в победе и том, что скоро они соединятся с большим войском короля Эргуса, не слишком смотрел по сторонам. Он не найдёт дорогу домой.

Да и к чему эти мысли. Ядовитые, горькие мысли. Ему некуда возвращаться. Его никто не ждёт. Пускай о нём говорят как о погибшем в славном бою воине. Таким, как сейчас, он не нужен отцу. И было бы лучше умереть — но Баки зло втянул в себя холодный обжигающий воздух — не вышло бы. Слишком сильно, слишком крепко, до головокружения и сладкого тяжёлого чувства страха под ложечкой хотелось жить. Словно жизнь эта сейчас, вырванная, как свежая печень, была кинута ему под ноги. Не аккуратно, как сделал это друид — а неровным кровоточащим куском: на, жри. И будь благодарен, другой нет.

И Баки был. Он знал это, чувствовал до того хорошо, как чувствовал горячий ток крови по венам. Как чувствовал каждый тяжёлый, уверенный удар сердца. Как чувствовал нестерпимо зудящее плечо. Как чувствовал наготу под килтом и то, как холодный воздух бодряще касается мошонки. Он жил. Он чувствовал. И он готов был жрать этот вырванный кусок до тех пор, пока кровь кипела в нём. Не спрашивая — зачем. Не думая — за что? Он чувствовал слишком много жизни внутри себя — кто знает, может, благодаря мальчишке-друиду? Даже пожелай он — не смог бы умереть сейчас.

Из потока дум его вырвал особенно отчётливый в ночной тишине звук. Баки повернулся на него и увидел, что мальчишку крупно трясёт. До того, что тот стучит зубами. Во сне он пытался укрыться лапником, но у него не выходило — а сон не отпускал его. Баки только сейчас подумал, как ему спится ночью в этой потрёпанной ветхой хламиде. Не медля больше, он перекатился на бок и поднялся на четвереньки. Осторожно подполз ближе и, недолго поразмыслив, лёг рядом, осторожно прижимаясь грудью к тощей спине так, чтобы его собственная спина смотрела к лесу, а нос друида, как и был — к костру. Надо бы подкинуть ещё веток, подумал Баки, как вдруг получил острый тычок под рёбра локтем. Удар был скорее

щекотным, но за ним последовал нож: друид извернулся, оказавшись к нему лицом, и придавил лезвие своего длинного охотничьего ножа ровно над кадыком. Широко распахнутые глаза его лихорадочно блестели, губы совсем высохли и горячечные щёки пылали алым. Баки давно не видел его так близко, и, боги, каким же красивым был этот мальчишка. Баки не мог припомнить ни одной невесты, что прочил ему отец, имеющей хотя бы отголосок этой дикой, чистой красоты. Баки замер, нырнув в ледяной взгляд. Об руку с красотой шла ненависть. Неизбывная всепоглощающая ненависть. И на миг стало так горько, хоть вой.

Баки оскалился и прижался к лезвию сильнее, нависая над мальчишкой. Он чувствовал, как сталь медленно рассекает его кожу, как начинает щипать и болеть из-за выступившей крови. Страшный, косматый, грязный, с обтрепанной повязкой на остатке руки... Он бы сам от себя шарахнулся. Но друид не имел права. Баки — второй наследник следующих за королевскими по величине пиктских земель. Он должен был получить свой надел для замка в Дал-Риаде. Никто не мог шарахаться от него, если только Баки сам не желал этого.

Друид скользнул глазами вниз, к подбородку, и, вдруг испуганно округлив глаза, выронил нож и тут же отшатнулся от него, так же нелепо отползая спиной всё дальше.

— Тише ты, — хрипло выдавил из себя Баки, не спуская с него глаз. Последний раз он говорил, кажется, в ночь нападения ирландцев. С тех пор закончилась одна жизнь и началась другая. — Не трону я тебя. Не трону, понимаешь? Я тебя греть пришёл. Ты зубами стучал от холода. Ночи становятся морозными.

Друид смотрел на него всё так же, словно не понимал языка. Или не хотел понимать. Он не издал ни звука. Баки вздохнул.

— Я — Баки, — он положил руку себе на грудь. — А ты? Имя у тебя есть?

Друид вдруг зло раздул ноздри и сжал свои крупные губы так крепко, что те побелели. Ясно. Понимает, но говорить не собирается. Что ж. Он и сам бы не начинал говорить с тем, кого собирается убить. Возможно, мальчишка на самом деле хочет однажды убить его. Пускай.

Баки хмыкнул и неловко, неуклюже встал на ноги. Кое-как перетаскал свой лапник и уложил поверх лапника друида под его непонимающим взглядом. Поправил, чтобы не разъехалось и всем хватило места.

— Спать будем тут. Вместе. Чтобы не замёрзнуть, — прохрипел он и подкинул в костёр лежащие рядом приготовленные с вечера дрова. — Если будешь спать один, наверняка залихорадит. Тебя уже колотит, я смотрю. Не дури, ложись. Я тебя не трону, слово воина.

Баки сказал, а потом его осенило, что не очень-то это убедительно. Те, что привели его к шатру и пользовали по кругу после, тоже были воинами. Он замялся и задумался:

— Слово поверженного и спасённого врага, — он сжал руку в кулак и с силой вдавил в грудь. —

Получается, моя жизнь теперь твоя жизнь. Поэтому ложись и грейся. Я к холоду привычный.

Он лёг первый набок, так, чтобы культа смотрела вверх, и достаточно места осталось для второго, как раз между ним и костром. Друид не шёл, но Баки вдруг разморило от накатившего тепла разгоревшегося снова костра и того, что теперь под плечом было намного мягче. После тяжёлой ночи и не менее напряжённого дня его неумолимо затянуло в сон.

И перед самым моментом, как окончательно провалиться, в его нос проник тихий, едва ощутимый запах. Сено и солнце, запах такой, словно снова началась страда косить и высушивать на солнцепеке траву. Баки вспомнил, как он мальчишкой сбегал из замка в поля и валялся там никем не пойманный на огромных стогах, смотря в небо и мечтая о великом своём будущем. Кажется, именно тогда он был по-особенному счастлив.

Чувствуя, как губы чуть изгибаются, он прижался к этому запаху носом и заснул.

<http://erolate.com/book/3459/83607>